

УДК 811.351.43

**СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
РУССКИХ ТЕКСТОВ НА ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК**

© 2019 г.

И.М. Дагиров

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

predator-richi@mail.ru

Поступила в редакцию 07.12.2017

Дается контрастивное описание таких разноструктурных языков, как чеченский и русский. Несмотря на то что данные языки по своему генетическому строю далеко отстоят друг от друга, тем не менее в функциональном плане они могут проявлять общие черты. Контрастивные исследования вносят существенный вклад не только в познание иностранного языка, но и в более глубокое изучение родного языка. Теоретическое изучение чеченского языка начато сравнительно недавно, и среди исследователей вайнахских языков нет единого мнения о функциональных особенностях различных грамматических структур в этом языке. На наш взгляд, сопоставительные исследования позволяют открыть в чеченском языке некоторые важные детали, которые могли бы ускользнуть от внимания исследователя при монологическом его описании. Поэтому мы в данной статье придерживаемся метода функционально-системного описания сопоставляемых субсистем в обоих языках на основе единства формы и содержания. Рассматривается так называемая чеченская форма «совершенного» вида, которая часто выступает в тексте в значении достижения предела действия. На конкретном примере показано сходство и различие сопоставляемых грамматических форм. В большинстве случаев чеченские и русские формы проявляют значительное сходство в функциональном плане, что позволяет говорить об их эквивалентности. Данная статья может дать толчок для последующих контрастивных исследований чеченского языка.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, контрастивные исследования, сопоставление языков, иностранный язык, чеченский язык, адекватность при переводе, глагол совершенного вида, глагол очевидно-прошедшего времени.

В настоящее время в области сопоставительных исследований в лингвистике наблюдается углубляющаяся дифференциация различных направлений. Наука о сопоставлении языков возникла в глубокой древности, как только люди столкнулись с потребностью объясняться с носителями других языков.

Целью сопоставительного исследования является обнаружение сходств и различий языковых подсистем двух или более языков. Одноименные подсистемы сравниваемых языков описываются независимо (например, глаголы движения в чеченском и русском, формулы приветствия, название предметов и т.д.), а затем результаты описания сравниваются. При сопоставлении в лингвистике выделяется общее и различное в наборе и количестве единиц, являющихся составными частями той или иной подсистемы, устанавливаются структуры микросистемы в изучаемых языках, выявляются главная и вспомогательные составляющие подсистем в сравниваемых языках.

Согласно определению А. Гудавичюса, сопоставительное языкознание трактуется таким образом: «изучение двух или более языков методом сравнения их друг с другом. При таком подходе для исследователя одинаково важны и

различия, и сходства» [1, с. 3]. В своей книге «Сопоставительная семасиология литовского и русского языков» (1985) А. Гудавичюс определяет изучаемую науку «... как науку, изучающую лексические системы двух или более языков методом сопоставления их друг с другом» [1, с. 4]. Р.А. Будагов придерживается такого же мнения: «... не только сходства, но и несходства особенно существенны и интересны для изучения словосочетаний в сравнительно-сопоставительном плане» [2, с. 19].

В своей книге А. Гудавичюс проводит исследование сопоставительной семасиологии и определяет её следующим образом: «Сопоставительную семасиологию мы будем понимать как науку, изучающую лексические системы двух или более языков методом сопоставления их друг с другом. Таким образом, сопоставительная семасиология наряду с решением специфических вопросов самого сопоставительного метода включает всю проблематику описательной семасиологии конкретного языка» [1, с. 4]. По словам А. Гудавичюса, сопоставительные исследования можно считать первым этапом лингвистической типологии [1, с. 5].

Исследователи, которые проводят работу в рамках сопоставительного метода, часто указы-

вают на возможность применения их исследований на практике путем внедрения соответствующего теоретического материала в процесс преподавания языков. Однако данное направление, к сожалению, чаще всего не выходит за рамки теоретического, поскольку на практике при преподавании языка невозможно описывать подсистемы двух разных языков, сравнивая их подсистемы. Как уже было сказано выше, при сопоставлении в лингвистике выделяется общее и различное в наборе и количестве единиц, являющихся составными частями той или иной подсистемы, устанавливаются структуры микросистемы в изучаемых языках, выявляются главная и вспомогательные составляющие подсистем в сравниваемых языках. Но практику преподавания не интересует, каким образом организованы данные микросистемы, каким образом устроена иерархия единиц, так как все это не относится к практическому обучению языку.

Как правило, преподаватель иностранного языка пользуется материалом, полученным из сопоставительного описания микросистем, однако непосредственно в своей практической деятельности при преподавании иностранного языка применить результаты сопоставительного описания языков оказывается невозможным. Причиной этого является то, что в процессе обучения в зависимости от задач и целей, поставленных на данном этапе обучения, используются отдельные элементы лексических систем, а не вся система в целом. Для того чтобы результаты сопоставительного анализа языков можно было применить на практике, преподаватель должен полученный в результате сопоставления материал осмыслить, структурировать и подать студентам в удобной для обучения форме. Следовательно, можно сделать вывод, сопоставительное языкознание является теоретическим направлением в лингвистике.

В конце XX века произошло выделение контрастивной лингвистики из сопоставительного языкознания как отдельного направления.

Развитие контрастивной лингвистики датируется началом 60-х гг. прошлого века. Её обособление как отдельного лингвистического направления произошло в последней четверти XX века.

Задачи контрастивных исследований, как правило, тесно связаны с задачами преподавания иностранных языков. Д. Болинджер писал по этому поводу: «Контрастивная лингвистика родилась из опыта преподавания. Каждый преподаватель иностранного языка знает и каждый изучающий иностранный язык скоро обнаруживает, что родной язык мешает в определённых и

предсказуемых случаях усвоению второго языка» [3, с. 4].

Историки языкознания едины во мнении, что началом развития контрастивных исследований явилась публикация работы Роберта Ладо в 1957 г. «Лингвистика сквозь призму культур». Идея данной публикации подсказана работой Ч. Фриза, который писал: «Наиболее эффективны те материалы, которые основаны на научном описании изучаемого языка с тщательным сравнением родного языка учащегося» [4, с. 9].

Изначально контрастивные наблюдения и изучения сходств и различий между языками имели сугубо прикладной характер. Это частично объясняет, почему контрастивные исследования так близки задачам преподавания иностранных языков.

Трудности, возникающие в связи с явлениями интерференции и лингводидактики в переводе, обуславливают важность контрастивных исследований.

В настоящее время контрастивная лингвистика занимает прочное место в мировом языкознании и дает ценные результаты не только в познании иностранного языка, но и в более глубоком изучении родного языка исследователя. Взгляд на свой язык через призму другого языка позволяет открыть в нем некоторые важные детали, которые могут ускользнуть от внимания исследователя при монолингвальном его описании. Контрастивная лингвистика является сегодня самостоятельной научной дисциплиной с собственным предметом исследования. Им является, на наш взгляд, установление эквивалентности, причем эквивалентности как функциональной (содержательной, касающейся значения), так и системной (касающейся выражения, формы). Наиболее подходящим методом для контрастивных исследований мы считаем функционально-системный метод, который в одинаковой мере учитывает факты парадигматической и синтагматической оси исследуемых языков. При контрастировании языков необходимо различать две точки зрения: системную (т.е. формально-выразительную) и функциональную (содержательную), которые необходимо увязать между собой и показать их взаимозависимость. Сопоставление языков наиболее эффективно на основе функционально-системного описания и единства формы и содержания, причем аспект значения должен ставиться во главу угла.

Обзор литературы по сопоставительному изучению чеченского и русского языков показывает, что исследований по данной проблематике немного. Это, на наш взгляд, можно объяснить тем, что сам чеченский язык требует бо-

лее детального рассмотрения. Исследование различных аспектов в структуре чеченского языка начато не очень давно. Здесь можно назвать работы таких авторов, как Н.Ф. Яковлев [5], Р.И. Долакова [6], Ю.Д. Дешериев [7; 8], Я.У. Эсхаджиев [9], Т.И. Дешериева [10], А.И. Халидов [11; 12] и др. М.Ш. Дагиров в своей монографии высказывается так: «Многие публикации носят, в основном, описательный и даже противоречивый характер. Авторы чеченской и ингушской грамматик по-разному рассматривают и такой частный вопрос, как темпоральность и аспектуальность. Здесь не прослеживается ни терминологического единства в названии форм времени, ни единства в отношении их количества, а вопрос о чеченском виде все еще остается открытым» [13, с. 8].

При сопоставительном изучении языков особое внимание необходимо уделять адекватности перевода, которая базируется на общности семантического содержания текстов на разных языках [см. 14, с. 41; 15, с. 38; 16, с. 207 и др.]. Р.О. Яковсон отмечает в этой связи, что «эквивалентность при существовании различия – это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики... Наука о языке не может интерпретировать ни одного лингвистического явления без перевода его знаков в другие знаки той же системы или в знаки другой системы. Любое сравнение двух языков предполагает рассмотрение их взаимной переводимости» [17, с. 18]. В этой связи многие языковеды отмечают, что предпосылкой сравнения языков служит возможность переводческой эквивалентности [18, с. 75; 19, с. 11–18; 15, с. 65–71 и др.].

Различные подсистемы чеченского и русского языка не изоморфны друг другу, они не накладываются друг на друга ни количественно, ни в плане функции. Так, категории темпоральности, аспектуальности и многие другие категории в чеченском языке являются более разветвленными, чем в русском языке. Так как чеченский и русский языки относятся к разносистемным языкам, то вполне понятно, что формально текст перевода может часто не совпадать с текстом исходного языка. Это обстоятельство служит предпосылкой для разного рода переводческих трансформаций, которые мы должны учитывать при анализе языкового материала (о языковых трансформациях см.: [20, с. 10; 21, с. 174–188; 22, с. 207 и др.]). В подавляющем большинстве случаев переводческие трансформации изменяют план содержания исходного текста, но при этом должна сохраняться инвариантность описываемой ситуации. Наиболее надежным критерием для сравнения языков является

функциональная эквивалентность (см.: [3; 23]). Сопоставление двух языков наиболее плодотворно, когда во главу угла ставится объективное тождество сравниваемых категорий. «Мало пользы от сравнительного изучения в том случае, если приходится каждый раз констатировать, что сравниваемые предметы ни в чем не имеют сходства» [3, с. 9].

Материалом для сопоставления в нашем случае могут послужить имеющиеся официальные переводные тексты на чеченском языке и оригинальный текст на русском. Репрезентативность выборки фактического материала может обеспечить установление корректных тенденций и закономерностей, свободных от элементов субъективности.

В качестве иллюстрации сказанного выше приведем пример перевода на чеченский язык отрывка из произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка»:

Ас тоххара элира, со литератураца болх беш вара [24, с. 40].

Я уже сказывал, что я занимался литературой [25, с. 24].

В данном примере чеченское *Ас тоххара элира* – *Я уже сказывал* выражено глаголом совершенного вида. Русское же *сказывал* выражено глаголом несовершенного вида, вследствие чего приобретает некий оттенок повторения действия во времени. В чеченском языке, наоборот, отсутствует оттенок повторения действия в прошлом, однако в обоих языках сохраняется категориальное значение данных конструкций – соотношение сопутствующего и главного действий, которое сохраняет общую временную связь действий (*Я уже сказывал, что я занимался*).

Что касается чеченского глагола *элира*, то исследователи чеченского языка дают различные определения форме данного времени. Отсутствие терминологического единства у разных авторов связано с тем, что за исходный пункт формообразования чеченского прошедшего совершенного разные авторы принимают не одну и ту же глагольную основу. Подробное изучение этого вопроса выходит за рамки данной статьи, отметим лишь, что для простоты мы рассматриваем данную форму как форму прошедшего совершенного времени, в то время как другие авторы в большинстве случаев указанную форму описывают как форму очевидно-прошедшего времени. При этом следует учитывать, что при упоминании термина «прошедшее совершенное время» чеченского языка речь здесь и далее не идет о категории вида глагола, характерного для славянских языков. Однако, по нашему мнению, в чеченском языке можно

говорить о формантах вида (совершенного и несовершенного), который фиксируется на уровне той или иной формы времени, а не на уровне инфинитива.

Таким образом, при сопоставлении двух текстов на чеченском и русском языках мы обнаруживаем фазовую аспектуальную трансформацию: чеченское сопутствующее действие в форме глагола совершенного вида со значением достижения предела действия (ДП) → русский глагол несовершенного вида со значением недостижения предела действия (НДП).

В заключение необходимо заметить, что сопоставительное изучение разноструктурных языков и результаты этих исследований помогут, на наш взгляд, пополнить типологическое описание чеченского и русского языков.

Список литературы

1. Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс: Моклас, 1985.
2. Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М., 1963.
3. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. 119 с.
4. Fries Ch. Teaching and learning English as a foreign language. Ann Arbor, 1945.
5. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка // Труды Чечено-Ингушского науч.-исслед. ин-та истории, языка и литературы. Грозный, 1960. С. 154–237.
6. Долакова Р.И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского ин-та истории, языка и литературы. Т. 2. Вып. 2. Языкознание. Грозный, 1961. С. 3–69.
7. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 384 с.
8. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чечено-ингушское кн. изд-во, 1963. 555 с.
9. Эсхаджиев Я.У. Способы выражения сложно-подчиненного предложения в чеченском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Грозный, 1971. 28 с.
10. Дешериева Т.И. Исследование видовременной системы в нахских языках. М., 1979. 271 с.
11. Халидов А.И. К определению видового инварианта чеченского глагола // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1987. С. 183–190.
12. Халидов А.И. Глаголы множественного действия в чеченском языке // Русское слово. № 1. Тбилиси, 1998. С. 53–64.
13. Дагиров М.Ш. Сопоставительный анализ аспектуально-темпоральных отношений в немецком и чеченском языках. Грозный: Изд-во ЧГУ, 2005. 172 с.
14. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 239 с.
15. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
16. Hollander J. Versions, Interpretations and Performances // On Translations. New York, 1966. P. 205–231.
17. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. № 25. С. 16–24.
18. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 215 с.
19. Арнольд И.В. Эквивалентность как лингвистическое понятие // Иностранные языки в школе. 1976. № 1. С. 11–18.
20. Гак В.Г. Межъязыковое сопоставление и преподавание иностранного языка // Иностранные языки в школе. 1979. № 3. С. 3–11.
21. Латышев Л.К. О переводческих трансформациях // Методика и лингвистика. М., 1981. С. 127–138.
22. Левицкая Т.Р., Фитерманн А.М. Проблемы перевода. М.: Международные отношения, 1976. 203 с.
23. Sternemann R. Konfrontative Linguistik und Einzelgrammatik. Deutsch als Fremdsprache, 1973, Heft 3. S. 156–159.
24. Островский Н. Дарцо бинарш. Грозный: Чечингосиздат, 1941. 178 с.
25. Пушкин А.С. Капитанская дочка. Вильнюс: Гос. изд-во худож. лит. Литовской ССР, 1953. 141 с.

STRUCTURAL TRANSFORMATIONS IN THE TRANSLATION OF RUSSIAN TEXTS INTO THE CHECHEN LANGUAGE

I.M. Dagirov

This article focuses on contrastive description of the Chechen and Russian languages, which have a very different structure. Despite the fact that these languages are far apart from each other genetically, in functional terms they can show some common features. Contrastive research makes a significant contribution not only to the knowledge of a foreign language, but also to a deeper study of one's native language. As is known, the theoretical study of the Chechen language was started relatively recently and there is no universally recognized unanimity of views among the researchers of the Vainakh languages on the functional characteristics with respect to various grammatical structures in this language. In our opinion, comparative studies allow us to find in the Chechen language some important details that might escape the researcher's attention in the monolingual description. Therefore, in this article, we adhere to the method of functional and systemic description of comparable subsystems in both languages on the basis of unity of form and content. We consider the so-called Chechen form of the «perfective» aspect, which often appears in the text in the sense of reaching the limit of action. A specific example shows the similarity and difference of the grammatical forms being compared. In most cases, Chechen and Russian forms show a significant similarity in functional terms, which suggests their equivalence. This article can give an impetus to further contrastive studies of the Chechen language.

Keywords: comparative linguistics, contrastive studies, comparison of languages, foreign language, Chechen language, adequacy in translation, perfective aspect verb, apparent past tense verb.

References

- Gudavichyus A. Sopotavitel'naya semasiologiya litovskogo i russkogo yazykov. Vil'nyus: Mokslas, 1985.
- Budagov R.A. Sravnitel'no-semasiologicheskie issledovaniya (romanskie yazyki). M., 1963.
- Yarceva V.N. Kontrastivnaya grammatika. M.: Nauka, 1981. 119 s.
- Fries Ch. Teaching and learning English as a foreign language. Ann Arbor, 1945.
- Yakovlev N. F. Morfologiya chechenskogo yazyka // Trudy Checheno-Ingushskogo nauch.-issled. in-ta istorii, yazyka i literatury. Groznyj, 1960. S. 154–237.
- Dolakova R.I. Sistema proshedshih vremen v chechenskom i ingushskom yazykah // Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo in-ta istorii, yazyka i literatury. T. 2. Vyp. 2. Yazykoznanie. Groznyj, 1961. S. 3–69.
- Desheriev Yu.D. Babijskij yazyk. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953. 384 s.
- Desheriev Yu.D. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika nahskih yazykov i problema proiszhzheniya i istoricheskogo razvitiya gorskih kavkazskih narodov. Groznyj: Checheno-ingushskoe kn. izd-vo, 1963. 555 s.
- Eshkhadzhiev Ya.U. Sposoby v yrazheniya slozhnopodchinennogo predlozheniya v chechenskom literaturnom yazyke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Groznyj, 1971. 28 s.
- Desherieva T.I. Issledovanie vidovremennoj sistemy v nahskih yazykah. M., 1979. 271 s.
- Halidov A.I. K opredeleniyu vidovogo invarianta chechenskogo glagola // Ezhegodnik iberijskogo-kavkazskogo yazykoznanija. Tbilisi, 1987. S. 183–190.
- Halidov A.I. Glagoly mnozhestvennojo dejstviya v chechenskom yazyke // Russkoe slovo. № 1. Tbilisi, 1998. S. 53–64.
- Dagirov M.Sh. Sopotavitel'nyj analiz aspektual'no-temporal'nyh otnoshenij v nemeckom i chechenskom yazykah. Groznyj: Izd-vo ChGU, 2005. 172 s.
- Barhudarov L.S. Yazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 239 s.
- Shvejcer A.D. Perevod i lingvistika. M.: Voenizdat, 1973. 280 s.
- Hollander J. Versions, Interpretations and Performances // On Translations. New York, 1966. P. 205–231.
- Yakobson R.O. O lingvisticheskikh aspektah perevoda // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike. M., 1978. № 25. S. 16–24.
- Komissarov V.N. Slovo o perevode. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1973. 215 s.
- Arnol'd I.V. Ehkvivalentnost' kak lingvisticheskoe ponyatie // Inostrannye yazyki v shkole. 1976. № 1. S. 11–18.
- Gak V.G. Mezhyazykovoe sopostavlenie i prepodavanie inostrannogo yazyka // Inostrannye yazyki v shkole. 1979. № 3. S. 3–11.
- Latyshev L.K. O perevodcheskih transformacijah // V kn.: Metodika i lingvistika. M., 1981. S. 127–138.
- Levickaya T.R., Fitermann A.M. Problemy perevoda. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1976. 203 s.
- Sternemann R. Konfrontative Linguistik und Einzelgrammatik. Deutsch als Fremdsprache. 1973. Heft 3. S. 156–159.
- Ostrovskij N. Darco binarsh. Groznyj: Chechingosizdat, 1941. 178 s.
- Pushkin A.S. Kapitanskaya dochka. Vil'nyus: Gos. izd-vo hudozh. lit. Litovskoj SSR. 1953. 141 s.